

«Леонов сразу нашел правильный язык общения с американцами»

Интервью с В.А. Джанибековым

Цитирование: Джанибеков В.А. «Леонов сразу нашел правильный язык общения с американцами» / беседовали Ю.М. Батурин и Р.А. Фандо // Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. 2025. Т. 3, вып. 1. С. 70–83.

“Leonov Immediately Found the Right Language to Communicate with Americans”

Interview with V.A. Dzhanibekov

Для участия в совместном полете по программе ЭПАС СССР и США определили основные и дублирующие экипажи своих космических кораблей. В связи с тем, что Советский Союз готовил к полету два космических корабля, на них были назначены соответственно четыре экипажа: А.А. Леонов – В.Н. Кубасов, А.В. Филипченко – Н.Н. Рукавишников, В.А. Джанибеков – Б.Д. Андреев, Ю.В. Романенко – А.С. Иванченков. Члены третьего и четвертого экипажей опыта космических полетов не имели и готовились в качестве дублеров. Космонавты А.В. Филипченко и Н.Н. Рукавишников в декабре 1974 г. на космическом корабле «Союз-16» выполнили большой

Рис. 1. Дважды Герой Советского Союза Джанибеков Владимир Александрович.
Фотопортрет Василия Малышева.
Набор открыток
«Летчики-космонавты СССР». 1982 г.

объем работ по проверке и отработке новых систем, режимов и узлов корабля «Союз» в связи с программой ЭПАС. В условиях, максимально приближенных к предстоящей стыковке с «Аполлоном», в режимах ручного и автоматического управления, испытывался установленный на «Союзе-16» новый андрогинный периферийный стыковочный агрегат. Историческую стыковку «Союза» с «Аполлоном» осуществили в июле 1975 г. А.А. Леонов и В.Н. Кубасов. Непосредственные участники этих полетов уже ушли из жизни. Но нам показалось интересным посмотреть на полет и подготовку к нему глазами начинающего космонавта, и мы обратились к Владимиру Александровичу Джанибекову, тогда майору, летчику-инструктору, зачисленному в отряд космонавтов в 1970 г. Сегодня дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации

В.А. Джанибеков – опытейший космонавт, выполнивший пять космических полетов, среди которых прославившая его экспедиция на находившуюся в неуправляемом режиме «мертвую» станцию «Салют-7», работоспособность которой они восстанавливали вместе с бортинженером Виктором Петровичем Савиных, ныне академиком РАН.

Владимир Александрович, нашим читателям хотелось бы услышать Ваши воспоминания об участии в программе ЭПАС, – впечатления, которые запомнились тогда еще не летавшему, но рассказанные сегодня уже одним из самых опытных наших космонавтов. Вы попали в программу «Союз» – «Аполлон» сразу после общей космической подготовки?

В. А. Джанибеков: Да, в 1972 г. наш набор сдал экзамены, и нас отправили на сборы. Неожиданно, вдруг, отзывают со сборов, и через несколько дней сообщают: принято решение, будете готовиться в составе группы по программе «Союз» – «Аполлон». Опытные космонавты вам помогут. Далее назначают экипажи – основные и дублирующие.

Ю.М. Батурин: Поясню для наших читателей. Лунный отдел Первого управления Центра подготовки космонавтов (ЦПК) перепрофилировали тогда под программу ЭПАС. Стали собирать экипажи. Владимир Александрович и назначенный к нему в экипаж бортинженер Борис Дмитриевич Андреев оказались тогда самыми молодыми.

В.А. Джанибеков: Молодые – это по набору, а так я уже был майором. В 1970-м г. я пришел в отряд космонавтов, это был пятый набор, на то время последний. В 1972-м мне исполнилось 30 лет.

Итак, назначают экипажи. Тут была интересная история: лето, семья уехала на каникулы, я один дома, и вот заходит ко мне Володя Ляхов. Двери у нас тогда на ключ не закрывались. Заходит он и молчит, на меня вдумчиво смотрит. Я собирался пожарить картошки, этим и занимался. А он сходу задает прямолинейный вопрос (таковы ребята с Донбасса – нормальные и прямолинейные). «Слушай, – спрашивает Володя, – почему именно вас отправили на программу «Союз» – «Аполлон»? Мы же тут раньше появились...» Ну, сели, я нажарил картошки, на стол все приготовил, достал из холодильника водку. Спрашиваю: «Ты английский язык знаешь?» У нас с Романенко знание английского какое-то было, хорошее или не очень, вопрос не ко мне. Тут Володя сразу сник, поскольку вопрос-то был в лоб. И ответ тоже. Но мы с ним посидели, нормально пообщались, сдружились.

Р.А. Фандо: Когда подбирают экипаж, то психологическую совместимость продумывают? Или вы притираетесь в ходе тренировок?

В.А. Джанибеков: Вероятно, продумывали. Мы сами эту сторону дела не обсуждали, но Борис Андреев оказался сложным по характеру... Например, идет тренировка в Хьюстоне, и там обнаруживается много «нестыковок» по бортдокументации. Придумываем очередную нештатную ситуацию по переходу из корабля в корабль; сидят наши и американские документалисты, обсуждают, как эту ситуацию уложить в

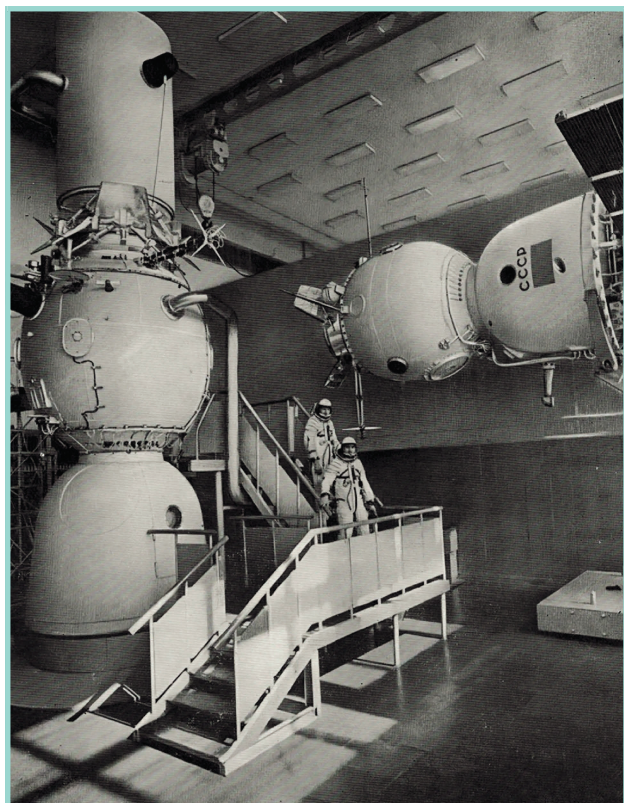

Рис. 2. В. Джанибеков и Б. Андреев после тренировки в тренажере корабля «Союз»

бортинструкцию, это важный юридический документ. Идет неторопливое обсуждение. Параллельно – чай, кофе – пожалуйста, сам себе наливай. Все ходят с кружками, обстановка вполне расслабленная. Кока-кола тогда всех нас потрясла. Мы часто брали эту колу, так как можно было взять большие кружки и ведерки со льдом, кнопку нажмешь – и кружка полна льда. Такое удобство очень нам нравилось.

И тут подходит ко мне Алексей Архипович Леонов с вопросом: «А куда Андреев делся?» Оказывается, Андреев в своем номере рассматривал журналы с рекламой (они там повсюду). Нашел, где по дешевке можно купить для своего автомобиля

магнитофон, и отправился в магазин аж за 80 миль. Американцы предоставили нам возможность ездить в любое время куда угодно; дали каждому машину и – езжай, у них такие порядки. Борис уехал, а тренировка идет своим чередом.

Р.А. Фандо: Андреев уехал, не поставив вас, командира, в известность?

В.А. Джанибеков: Нет, мне он сказал, я был в курсе. Но думал, что магазин этот находится где-то за углом. Почему не разрешить? Мы же нормальные люди: можно отлучиться, пока идет сыр-бор. По опыту знал, что такие обсуждения занимали час-два, а то и целый день, пока страница не будет выправлена, причем с точным переводом. Думал, он успеет вернуться. А он отправился за 80 миль... Много накопилось и других мелочей, которые, хотя это трудно сделать, напрочь выбивали меня из колеи. И на тренировках он абсолютный ноль. В конце концов Андреев меня довел до того, что я в сердцах сказал Елисееву (он руководил гражданской частью экипажей): «У меня экипажа нет!» Но это уже было чуть позже.

С чего бы начать рассказ про «Союз» – «Аполлон»? 1973 год, лето шло к концу, начало осени, листья только начали желтеть. Прилетает

астронавт Дэйв Скотт¹. Алексей Архипович берет меня, и вместе с Дэйвом Скоттом мы едем в Калугу. Я у них в роли переводчика. Тут у меня были свои проблемы. После Суворовского я пришел в летное училище с нормальным знанием английского, на уровне военного переводчика. Мне сказали: тут тебе с английским делать нечего. И попал я в эскадрилью с немецким языком, учил немецкий. Вся авиационная терминология у меня в голове была на немецком языке. Потом был период, когда я переучивал индусов, и у меня возникла мешанина из двух языков, за что меня очень сильно зауважали майор и два капитана, индусы. У меня в голове кавардак, ни тот, ни другой язык в смысле космической терминологии не «уस्ताканился», не уложился. Короче, переводчик я был весьма посредственный, но все равно мы понимали друг друга. Алексей Архипович и сам к тому времени уже начал погружаться в английский. На каком-то уровне мы спокойно общались. Итак, едем в Калугу. Дэвид Скотт улыбается и смеется: ему нравится дорога, нравится, что нет рекламы, нравится то, что мы съехали на полпути в лесочек, а на капоте, как у нас водилось, все расставили, что надо. Он шокирован: неужели так может быть? Первый раз приехал в Россию! Музей космонавтики в Калуге произвел на Дэйва Скотта колоссальное впечатление. Он был поражен, не думал, что у нас в принципе такое может быть, причем не в столице. Это просто областной город. Он действительно начал вникать в нашу реальность очень серьезно, мысли другие стали появляться...

В музее случился смешной эпизод. Ему рассказали, сколько миллионов кусочков смальты (маленьких стеклышек) в мозаичном панно. Он рассмеялся и сказал: это я запомню обязательно! И накрытый стол там был прекрасный, угощения, все на высочайшем уровне. Вернулись довольные приемом, дальше общались руководители, я-то был лишь попутчиком. А потом Дэйва Скотта убирают. Я думаю, что он со своей открытостью характера начал рассказывать о нас слишком много хорошего. Назначают руководителем Юджина Сернана. Он – ярый антисоветчик, немножко русофоб. Но даже с ним я подружился позднее, когда наступили другие времена и появились другие программы.

Потом первый визит делегации американских астронавтов. В Звездный городок приехала большая группа: «морские котики» там были, т.е. спецназовцы, и летчики-испытатели. Представьте: наша гостиница, напротив нее пруд, и вдруг появляется фигура с автоматом и собакой. Ну, посмеялись, американцы восприняли это нормально, поскольку у них то же самое, только не так явно и не так грозно. Буквально то же самое. В американской гостинице перетряхивали наше имущество, поменяли телевизор у Елисеева: сказали, что плохо работает, но понятно, просто устанавливали «прослушку» или видеокамеру. В отеле рядом с нашими номерами будка, когда дверь открыта, видно, что там просто стена из

¹ Скотт Дэвид Рэндольф «Дэйв» – астронавт НАСА, выполнил три космических полета: «Джемини-8» (1966), «Аполлон-9» (1969), командир «Аполлон-15» (1971). Седьмой из 12 человек, побывавших на Луне, а также первый, кто передвигался по ее поверхности на лунном вездеходе.

магнитофонов. Выбегаю я утром на пробежку, за мной бежит человек, причем из будки выскочил, и за мной. Тотальная была слежка. А наш визит в НАСА! Открываем дверь, видим: на треноге стоит большой плакат: «Осторожно, русские идут! (*Take care, Russians coming!*)» На этаже, где у них кабинеты, двери у всех открыты. Они все ходят туда-сюда, общаются. Стоит стол. На столе коробки с фотопленкой, фотобумагой, фотоаппараты, кинокамеры: пожалуйста, снимайте, нет проблем для тренировок! Нам даже предлагали фотоаппарат *Hasselblad*. В общем, снимайте, что вам интересно, мы вам поможем обработать материал. Для нас это было вообще открытием: быть такого не может: и двери открыты, и ребята занимаются шаттлом. Доска большая, классная, на доске нарисован спейс-шаттл, а из него сыплются бомбы на *USSR*. Такой был маленький «прикольчик» с их стороны.

Р.А. Фандо: Ничего себе! Вы думаете, это намеренно было сделано, или...

В.А. Джанибеков: Это мог быть вариант американского юмора. Но элемента гостеприимства мы в этом не ощущали. Единственное – все улыбаются. Однако дружить с нами особого желания мы не чувствовали.

Р.А. Фандо: Может, им запрещали дружить?

В.А. Джанибеков: Не знаю. Нам всем повезло с Алексеем Архиповичем! Он уникальный человек не только потому, что совершил первый выход в открытый космос, он еще сумел мгновенно найти язык для общения с американцами, нормальный язык. Он над ними посмеивался и постоянно вставлял шпильки. Он критиковал местные особенности, и они это воспринимали абсолютно нормально, со смехом, никакой негативной реакции не было. Леонов критиковал и нас, т.е. Советский Союз, критиковал совершенно по делу, его антисоветчиком не назовешь. Он был открыт, над всем посмеивался: ну как такому человеку возразишь? По этой

Рис. 3. А. Леонов и Т. Стаффорд на тренировке в кабине тренажера «Аполлона»

причине, думаю, у Леонова наметилось сближение с Томом Стаффордом, возник человеческий контакт.

Р.А. Фандо: У Леонова улыбка притягательная, он всегда такой доброжелательный!

В.А. Джанибеков: И при том, если отрежет, так отрежет! Начальство потом в кабинетах поеживается, думает: «Зря такого ершистого назначили!» А поделать-то ничего уже нельзя, что объявлено, то объявлено. Валерий Кубасов – полная противоположность Леонову: молчит, какие-то процессы в его голове происходят, потом начинает конкретное обсуждение. Особенно это бросалось в глаза при разборе нештатных ситуаций. Большая умница, великолепно владел ситуацией и мгновенно реагировал на любые изменения, но внешне не производил впечатления. Да, немного тугодум, но очень грамотный и неторопливый. Экипаж у него был нормальный со всех позиций – и технической, и творческой.

Ю.М. Батурин. Поясним для читателей: Алексей Леонов и Валерий Кубасов готовились к полету на долговременную орбитальную станцию (ДОС), затем на ДОС-2, потом на ДОС-3, но их все время преследовали неудачи. То экипаж заменили, то станцию не удалось вывести на орбиту, то из-за неполадок она осталась без топлива и не могла использоваться в пилотируемом режиме... И эту пару космонавтов, как очень хорошо подготовленный экипаж, переставили в программу ЭПАС.

В.А. Джанибеков: Великолепный экипаж, я чувствовал, что у них все будет нормально.

Р.А. Фандо. Сколько раз вы ездили в США на подготовку по программе ЭПАС? Кто руководил вашей командой в поездках?

В.А. Джанибеков: Дважды ездил. Руководителями были Владимир Александрович Шаталов со стороны военных, со стороны гражданских Алексей Станиславович Елисеев.

Р.А. Фандо: Чем отличаются американские астронавты от наших космонавтов? У нас они приходят, как правило, из военных училищ, многие из простых семей. А как у американцев?

В.А. Джанибеков: У них все по-разному. Кто откуда пришел. Очень много летчиков, хотя были и гражданские ребята, и те, кто занимались летно-испытательной работой на гражданских предприятиях. Появилась у нас и «группа поддержки»: американские астронавты, молодые ребята, как раз наши погодки. Вспоминаю: погода подпортилась, они прилетели на своих аэропланах, уже не помню, какие у них самолеты были. Все летчики там самостоятельно летали, совершенно свободно. И так, прилетели. Погода так себе, дождь. Они возбуждены тем, что благополучно сели. Меня удивило, что они так откровенно счастливы, что сели. С вашим-то оборудованием, думаю, какие проблемы? И вспоминаю свою историю, когда я на своем Су-7 попал в грозовое облако. Меня швыряло, как футбольный мячик, вокруг сверкало, и повреждения, наверное, какие-то были, и

нижний край облачности был меньше 50 метров, но Су-7 я умастил на полосу с самой примитивной навигационной аппаратурой.

Р.А. Фандо: Как вы оцениваете подготовку именно не летавших астронавтов? Вы же можете сравнивать с самим собой.

В.А. Джанибеков: Не вижу особой разницы, потому что летчики везде одинаковые. А уровень подготовки соответствует занимаемой должности.

Ю.М. Батурин: И все-таки с самого начала требования по отбору у американцев и у нас были разные. У нас по налету к первому набору высоких требований не было. У американцев требовались 1500 часов налета и обязательно высшее образование. Прошло время и требования стали меняться.

В.А. Джанибеков: Мне трудно сказать. В какой-то степени американцы были более образованны, у них появилась вычислительная техника, компьютеры, с которыми они запросто управлялись. У нас же компьютеры вызывали интерес и удивление. Множительная техника в свободном доступе...

Р.А. Фандо: Давайте поговорим о подготовке.

В.А. Джанибеков: У них я видел в основном самоподготовку. Есть консультант, инструктор, но занятия он с ними не проводит. Может быть, и проводит, но я об этом не знаю. В основном каждый сам себе клеит из фанеры, а то из картона, кабину «Аполлона», садится в кресло, читает инструкцию, и начинает формировать в голове модель полета и управления. Практически в каждом кабинете я такие самоделки видел. Кто как действовал, кто на плоскости, кто делал объемную кабину или фрагмент ее.

Р.А. Фандо: Но на тренажерах-то вы работали?

В.А. Джанибеков: На тренажерах мы получили возможность постыковаться на «Аполлоне». Я никогда не видел этот корабль, никогда в нем не сидел, и быстро потрогал рычаги. Думаю: тяжелые, как в танке, а у нас «перышки». Состыковался. Потом мне инструктор дает распечатку, куда-то она, жалко, потерялась. Он еще покосился в сторону Алексея Архиповича и сказал: «Владимир, ты лучше всех состыковался».

Ю.М. Батурин: Поясняю для читателей: Владимир Александрович в отряде космонавтов всегда был одним из лучших операторов. Не только по стыковке, а в более широком смысле – управления космическим аппаратом. Недаром именно его выбрали для стыковки с некооперируемым объектом – станцией «Салют-7». На тестовых стыковках он показал лучший результат.

В.А. Джанибеков: Это не столько природное качество, сколько долгая упорная работа, тренировки. В ходе подготовки по другой программе мне поставили задачу космической инспекции (предусмотрена такая задача международными конвенциями). Думаю: нужны радиосредства. Локатор мне вряд ли дадут, поскольку активное воздействие на объект противоречит задаче военной инспекции. Другие способы измерить нужные параметры у меня отсутствуют. Единственный источник информации – положение цели над горизонтом, здесь хоть есть какая-то динамика. И мы

начали тогда решать задачу оценки возможности сближения с целью по ее поведению относительно горизонта. Удалось из этой информации вытащить некую математическую суть. И в ЦПК был создан планшет, точнее, такая хитрая линейка, с помощью которой можно было провести точный замер градусов, а также при учете времени, мы подходили к решению задачи: можно ли сблизиться? сколько для этого надо времени? и прочее. Не так-то просто было работать с этим планшетом, но можно. Я решал эту задачу на тренажере без какой-либо информации, только зеленая имитация границы и точка-цель. Мне задают параметры, а я своими активными действиями на «Союзе» строю свои таблицы, разворачиваю корабль так, чтобы станция мне была видна, включаю двигатель на пару секунд, снова разворот и смотрю, какова динамика. По ней определяю примерно дальность. Так появляется внутренняя наработка и ощущение, может быть, возникает интуиция. Ну, как у хорошего баскетболиста. Он бросает мяч через себя, спиной к цели, а попадает в корзину. Он чувствует игровую ситуацию, баллистику, массу мяча, траекторию – они уже в нем. В тебе формируется нечто такое, что помогает выполнить задачу. Если ты в здравом уме и без паники, то разберешься.

Ю.М. Батурин: Итак, вы сели в кабину «Аполлона». Расскажите подробнее о своих впечатлениях от нее, об эргономике, об удобстве работы. Это, вероятно, самое ценное – оценка космонавта, который тренировался на другом космическом аппарате.

В.А. Джанибеков: Кресла кондовые, управление, на мой взгляд, кондовое. Меня удивила сложность работы с навигационным оборудованием, там отдельный астронавигационный комплекс, видимо, с ним не так-то просто работать. Полеты на Луну требовали особой точности и аккуратности. У нас было как-то немножко попроще, попримитивнее.

Ю.М. Батурин: Владимир Александрович, скажите два слова о разнице технической эстетики. Мои впечатления уже более поздние, чем ваши, таковы: у нас большая часть оборудования в корабле закрывается. Сверху все гладко, почти все скрыто, у американцев, наоборот, все открыто. Грубо говоря, если нужно проложить трубку, то американцы ее прямо тут проведут, чтобы к ней не надо было лезть. У нас она будет спрятана. Чувствовалась ли тогда эта разница, насколько она обоснована? Чем дальше, тем больше я думаю, что американцы правы. С этой точки зрения вы можете сравнить конструкцию «Аполлона» и «Союза»?

В.А. Джанибеков: Для этого в «Аполлоне» надо было посидеть подольше, а у меня было всего лишь полчаса. Сначала залез на подоконник, со стороны смотрю, как там Алексей Архипович, чертыхаясь и похохотывая, занимает рабочее место, над рычагами он тоже посмеялся. А у нас в корабле очень уютно, как-то бархатно.

Ю.М. Батурин: Да, да, вот именно бархатно. А у них все как-то железно.

В.А. Джанибеков: Там черный цвет. Хорошо это или плохо, я не знаю. Ну, выбрали и выбрали. Лампочки горят, все вроде соответствует требованиям, ничего лишнего, все читается, все перед глазами, все понятно.

Ю.М. Батурин: Фактор размеров заметен сразу?

В.А. Джанибеков: Корабль большой. Места для троих много. Наш маленький, но в невесомости совершенно по-другому. Весь объем используется, и место как бы увеличивается.

Ю.М. Батурин: Но на тренировках тесновато?

В.А. Джанибеков: Да, это так. И вот эпизод подготовки. Идет отработка каких-то элементов, проигрываем разные ситуации, особенно, что касается нашего корабля. Отрабатываем сюжет с фотографированием в бытовом отсеке. Гости пришли, разыгрываем встречу. Надо сказать, в ЦПК долго обсуждали, какой фотоаппарат использовать на борту. Мы получили новые фотоаппараты «Киев-6С». «6» означало средний формат пленки, «С» – это «спец». Он имел вид и устройство обычного малоформатного однообъективного зеркального фотоаппарата, отличаясь только увеличенными размерами и массой, корпус литой, из алюминиевого сплава. Американский специалист как увидел его, воскликнул: «Вот это трактор! Махнем на *Hasselblad*?» Камера *Hasselblad* – известнейший фотоаппарат, использовался в миссиях высадки на Луну по программе «Аполлон». Я, конечно, отказался. У американцев кассеты были на 12 и на 24 кадра. Я зарядил «Киев» кассетой на 24 кадра, и фотоаппарат заело. Американский специалист тут же возбудился: «Давайте его мне, я быстро все исправлю». Я не отдаю. Сам, мол, сделаю. Потом возвращаю фотоаппарат в ЦПК, рассказываю эту историю. А мне: «Ну, ты и простота! Отдал бы, мы десяток «Хассельбладов» могли получить. А «Киевов» таких еще бы наштамповали».

Итак, я с фотоаппаратом, Мы проигрываем выдержки, экспозиции, кадр. Ну так, чтобы было красиво. Тогда в бытовом отсеке появилась желтая лампочка накаливания, все лампочки дневного света, холодные, а желтая – горячая лампочка. И я прожигаю этой лампочкой воротник курточки. Ну, прожег и прожег, курточка была новая, синего цвета, японская, синтетика, естественно. Посмеялись (повнимательнее будьте!) и забыли. Главное, что кадры получились хорошие. А я свой подгорелый воротник не забыл, и на «Салюте-7» мне это неожиданно пригодилось.

Кстати, о прожженном воротнике. Требования к пожаробезопасности в космическом полете высоки, в том числе и к одежде космонавтов. Наш опыт обеспечения пожаробезопасности был значительно меньшим, чем у американцев, так как мы не применяли в кабине чистый кислород. Отсутствовали и согласованные критерии в оценках степени пожаробезопасности. Следовательно, полетные костюмы наших космонавтов нужно было изготовить из материалов, негорючих в кислородной атмосфере «Аполлона». Американцы предложила поставить необходимое количество ткани «Дюретт» для изготовления полетных костюмов советским космонавтам. Предложение было принято. Но Алексей Леонов возмутился: «Мы

Рис. 4. Р.А. Фандо с В.А. Джанибековым.
27 июня 2024 г. Фото Ю. Батурин

что же будем отличаться от американцев только нашивками на рукавах?» Американскую ткань решили держать в резерве, и принялись за создание своего материала, отвечающего самым высоким требованиям пожаробезопасности. Наши специалисты создали новое огнестойкое волокно, потом создали технологию намотки одной нити на другую, т.е. фактически «слили» их. Ткань, получившая название «Лола», оказалась более термостойкой, чем американская, она выдерживала на 50°С выше. Советская сторона передала американской стороне образец пожаробезопасной ткани «Лола», из которой предполагался пошив полетных костюмов. Она получила высокую оценку американских специалистов, и США сразу же закупили большую партию для американских пожарных.

Р.А. Фандо: Но прожженный воротничок японской синтетической курточки вы вспомнили, когда вместе с Виктором Петровичем Савиных оживляли «мертвую» станцию?

В.А. Джанибеков: На станции мы начали зарядку аккумуляторов. Часть аккумуляторов непригодны, другая часть нам обеспечивает около 350 ватт. И мы трудимся: уже лампочки горят, вентиляторы крутятся. Как-то идет процесс, мы сумели запустить газогенератор, появился кислород, головы наши немножко начали светлеть, а то CO₂ был зашкален. Неделью-полторы мы чай и кофе заваривали в пакете подмышкой. «Завтрак туриста» я грел в штанах, там потеплее. Потихонечку разбираем оборудование, и вдруг за панелью в бухтах, кабелях всяких, вижу связку четырех горячих лампочек. Сверкнула мысль: у нас есть «костер»! Виктор трудился в переходном отсеке. Я быстро из кофра извлек фотоаппаратуру,

аккуратненько так складываю ее в сеточку, вешаю на гвоздик, а в кофр помещаю фольгу от химических патронов. Беру консервы, тубы с супами, два пакета чая, два пакета кофе. Включил лампу в розетку. Она почти всю энергию забрала, свет потух, вентиляторы пригасились. Виктор в панике: «Что произошло?» – «Витенька, – отвечаю, – все нормально». А я видел, как он мучается, ему холодно, его аж трясет. У нас все сырое, все в воде, и одежда тоже. Единственное нормальное пока еще место – это спальня мешок. Думаю, минут десять, будет достаточно. Выдержал паузу. Говорю: «Витенька, приглашаю на горячее!» Он смеется: «Опять в штанах грел?» Открываю крышку. Банка с консервами округлилась и вот-вот взорвется. Пакет с кофе расплавился, кофе растекся, и такой аромат стоит! У нас праздник, у нас есть «костер», у нас есть «очаг». Так мы и кайфовали, благодаря той лампочке. Отлетали, вернулись, и хоть бы один медик спросил: «Ребята, как вы там обошлись без горячего?»

Р.А. Фандо: Вернемся к программе ЭПАС. Поскольку мы отвлеклись, давайте перевернем историю и начнем с конца. Когда выполнялся полет «Союза» с «Аполлоном», вы наверняка были в Центре управления полетом?

В.А. Джанибеков: Да. А в ЦУПе переполох: нештатная ситуация на борту. Я сижу на связи, подбегает Володя Алексеев, он у нас вел радиоловительскую связь. «Что случилось?» – спрашиваю. Это происходило в ЦУПе, но уже ночь... Сообщают, что телевидение на борту не работает. Приезжаем в «Энергию», на стенд, там большой базар, сто, наверное, человек рядом с испытательным стендом обсуждают ситуацию. Оказывается, были сомнения, не отложить ли запуск из-за проблем с телевидением. Решили все же не откладывать. Но момент возник критичный.

Р.А. Фандо: Телетрансляция нужна была еще и из политических соображений. Честь страны. Транслировать миру было важно. Все-таки две сверхдержавы конкурировали, и их отношения находились на опасной грани. И тут совместный полет. Политика серьезная.

В.А. Джанибеков: Политическая подоплека, безусловно, была и важная. Но решалась и чисто практическая задача спасения экипажа в космосе. И они, и мы летаем, а случись что, как помочь? Состыковаться и то не можешь. Любому человеку на Земле объясни, что это возможность спасательных операций, сразу обнуляются все вопросы. Дело серьезное. Но возвращаюсь в «Энергию». Идет обсуждение, и как вариант выхода из ситуации предлагается провести перекоммутацию в одном блоке. Проще говоря, необходимо устроить там короткое замыкание каким-нибудь кусочком проволоки. Понятно. Забираюсь в бытовой отсек, где мне предстоит работать. Инструмент принесли, дубликат которого находится на борту. Аптечку принесли, которая тоже на борту. Вот, собственно, больше ничего нет. Я приступаю к работе. Довольно душно. Приехал Афанасьев, министр, – большой, габаритный человек. Пытался заглянуть. Я начинаю вскрывать нужный блок, отвинчивать винты, а они там типа «саморез», зафиксированы, и их не возьмешь. Каленая отвертка мгновенно треснула.

Пять секунд, и у меня уже нет отвертки. Правда, есть нож складной, охотничий, из нашего хозмага. Нож туриста, многофункциональный.

Ю.М. Батурин: Это был ваш нож или штатная принадлежность? В НАЗе (носимый аварийный запас) он был, да? Нож из магазина?

В.А. Джанибеков: Точно так. Понятно, что никто не будет для НАЗа делать специальный нож. Пытаюсь этим лезвием что-то сделать. Нож у меня развалился в руках, заклепки отскочили. Ладно, беру аптечку, там есть лейкопластырь. Обмотал нож, но маленький кусочек лейкопластыря остался, поскольку думаю: больше нельзя, надо на всякий случай немного оставить. На руки тоже подклеил чуть-чуть пластыря. Поскольку винтов много, и я не могу их отвернуть, придется резать. Ищу в ноже подходящее лезвие, которым смогу это сделать. Начинаю вспарывать блок, потом проткнул стенку, чуть-чуть отвернул руками. Я уже весь мокрый, а тут еще министр тяжело дышит, он болел, кряхтит, как бы помогает. СО₂ накапливается в маленьком объеме, вентилятора нет. Все-таки я взломал его, вырываю руками, руки у меня в крови, вырвал. Откуда у меня что бралось? Чуть-чуть сдвинул, вытянул на себя, и «контровка» нашлась, поскольку все штатно. На некоторых разъемах стояла металлическая конструкция. Замкнул, где надо, и слышу: взорвались аплодисменты – заработало телевидение. Я оттуда выкарабкиваюсь, министр мне руку жмет, а я прячу руки. Министр: «Ну-ка покажи!» И все-таки взял мою руку и пожал: «Спасибо!» Увидел на руке кровь, кричит помощнику: «Врача! Врач есть?» И дали мне потом боевую награду, орден Красной Звезды...

Р.А. Фандо: Такая ситуация действительно стоит боевой награды!

В.А. Джанибеков: Я сразу отправился в ЦУП, писать инструкцию, как и что надо делать, и «наверх» ее.

Ю.М. Батурин: Мы сейчас услышали историю от первого лица. Про проблемы с телевизионной системой было известно. Описано, как в ЦУПе и в «Энергии» искали решение, и на борт посылали рекомендации. Леонов с Кубасовым тоже объясняли, как они чинили телевидение. Но как это выглядело изнутри, никто пока не знал. Очень интересная история!

Р.А. Фандо: Возвратимся к началу эпизода. В ЦУП приехал Алексеев и взял вас как радиста, повез в «Энергию». Там же наверняка был и Андреев, бортинженер из «Энергии».

В.А. Джанибеков: Андреев тоже ходил рядом, но он остался в ЦУПе.

Р.А. Фандо: Повезли в «Энергию» «нештатку» разбирать именно вас. Почему? Наверное, репутация у вас была, как хорошего радиста?

В.А. Джанибеков: Это моя другая сторона. С Алексеевым мы колонки новые делали, проводили акустические исследования, в гараже пробовали материал – фанеру, потом ДСП, чтобы нормально звучало. У нас же в Звездном городке есть Бюро измерительных приборов. На субботу и воскресенье можно что-то взять домой и заниматься настройкой. Я как-то

Рис. 5. Автографы Леонова, Кубасова и Джанибекова.
На фото Ю.М. Батулин и В.А. Джанибеков

осциллограф начал паять. Проектировал сам магнитофон, головки достал «супер-пупер», и моторы, и звуковой генератор спаял до 100 кГц, мощность на выходе 15 ватт. На катодном повторителе я получил хорошую мощность. Картинка получилась – практически изумительная синусоида. В принципе-то это и не требуется, но картинка идеальная. Помню, как после запуска, мы на автобусе елозили по гололеду, не могли ехать нормально. Думаю, вот тут бы «башмаки» с ультразвуком, чтобы он разрушал лед. Ну, где такую пищалку ультразвуковую найти? Попробовал сделать. Этот прибор я отдал в Мемориальный музей космонавтики как пример творчества космонавта. Но сегодня никому это не интересно. И еще все знали, что я полностью восстановил ГАЗ-24.

Р.А. Фандо: Это было еще до программы ЭПАС?

В.А. Джанибеков: Как раз на фоне дублирования. Весной 1975-го г. я купил списанное такси, всю машину раскидал полностью: и мотор, и рессоры, все! Руками полностью машину переделал, краску снял, отшкурил. Алексей Архипович подошел и говорит: «Слушай, только ты ее не крась». Действительно, она вся сверкает на солнышке. Красивая!

Р.А. Фандо: Психологический вопрос: по программе ЭПАС в СССР впервые не только заранее объявили экипажи и дублеров, но и назвали имена еще не летавших космонавтов. В США всегда объявляли, а у нас впервые. Скажите, каково не летавшему космонавту почувствовать непривычное бремя известности? Каковы ощущения?

В.А. Джанибеков: Первое время было, конечно, приподнятое настроение, но, с другой стороны, давит ответственность, да и непонятно, чем все закончится. Если честно, у меня времени не было, чтобы вслушиваться в свои ощущения. Параллельно у меня шла другая работа: аэродром, полеты. Я же все модификации МИГ-21 освоил с приличным налетом, а также Ту-134. Это все шло параллельно.

Р.А. Фандо: Многие знают, что вы человек многогранный, с интересами в разных сферах, даже в теоретической физике. Вспомним, например, «эффект Джанибекова». Откуда у вас такая страсть к физике?

В.А. Джанибеков: Это мое «зазеркалье», я туда никого никогда не звал и не приглашал. Это совершенно другая половина моей жизни. В 1975 или в 1976 г. я познакомился с физиком-теоретиком Львом Сапогиным, между прочим, тоже на почве радиодола. Лев – талантище и очень интересная личность. Вот с ним я и занимаюсь физикой, точнее, помогаю ему. Сапогин – альпинист, я был с ним на восхождениях. Так и подружились. Как-то сорвался, падаю, он меня ловит, на связке держит. «Тяжеленький ты что-то, Джан», – говорит. И потом назвал так рассчитанную им тяжелую частицу².

Ю.М. Батурин: Знаем, что вы хорошо рисуете. Вы почетный член Академии художеств. У вас есть работы на тему «Союз» – «Аполлон»? Может быть, портреты членов экипажей, астронавты, космонавты, либо зарисовки с тренировок?

В.А. Джанибеков: Не чужд живописи, есть графика, почеркушки всякие. Постоянно есть предложения то одну, то другую книжку проиллюстрировать. Несколько набросков членов экипажей сохранились.

Р.А. Фандо: Мы получили столько интересных воспоминаний и сильных впечатлений от разнообразия ваших интересов. Вы и космонавт, и инженер, и физик, и альпинист, и художник. Сколько граней у вашего таланта!

В.А. Джанибеков: Я насмотрелся на судьбы летчиков, завершивших летную работу. Плохо, если нет увлечений, которыми можно заниматься на досуге. Что-то обязательно должно быть, свое зазеркалье. Я занимаюсь творчеством разного рода. Был период, когда я стал инвалидом и вытаскивал себя лет десять. Когда рука начала подниматься, достал спортивный лук и занялся стрельбой. По аналогии с упражнениями, которые мне в госпитале показали. На полгода хватило, а потом рецидив... Наконец, кисть совсем начала отниматься, я писать не мог. Но этот период позади, я уже вышел на турниры.

Р.А. Фандо: По стрельбе из лука?

В.А. Джанибеков: Да, появилось такое увлечение. Каждому человеку совершенно необходимо какое-то дело и творческое начало!

Беседу вели Ю.М. Батурин, Р.А. Фандо

27 июня 2024 г.

---

² «Джан» – так кратко космонавты в своем кругу называли Джанибекова.